

12 6 ИЮЛ 1987

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

Встреча со Стэнли Крамером

К какой правде вы пришли?

— Как продюсер и режиссер я создал 38 фильмов, но ни одного за последние восемь лет. Я выключился из работы, покинул Голливуд и переселился на север Америки — в Сиэтл. Преподавал в университете, писал статьи в газету, путешествовал. Почему я это сделал? Видимо, пережил какой-то кризис. Я увидел тогда, что перестаю понимать многое из того, что происходит вокруг, в том числе в кино. Слишком много жестокости, бездумной продукции, стремления к наживе, попыток уйти от проблем. Хотелось найти ответы на вопросы, которые меня волновали. Но в результате поисков я понял, что абсолютная истина недостижима. Слишком сложен наш мир, слишком противоречив. А то, что можно найти, — так это свою собственную истину, свою правду. Люди часто не понимают этого. Если ты несешь свою правду, ты можешь посвятить себя ей целиком, — это то, что я пытаюсь делать...

Крамер говорит не спеша, как бы обдумывая еще раз то, о чем, конечно же, много размышлял. Небольшого роста, по-мальчишески хрупкий, этот 73-летний человек с удивительно живыми глазами — создатель всемирно известных фильмов «На последнем берегу», «Нюрнбергский процесс», «Скованные одной цепью», «Корабль глупцов». Он говорит, и это как бы сам процесс размышления, шлифовки мысли. И его речь поэтому по-толстовски непростая, ветвистая. И поэтому глубоко прочувствованная.

— К какой же правде вы пришли?

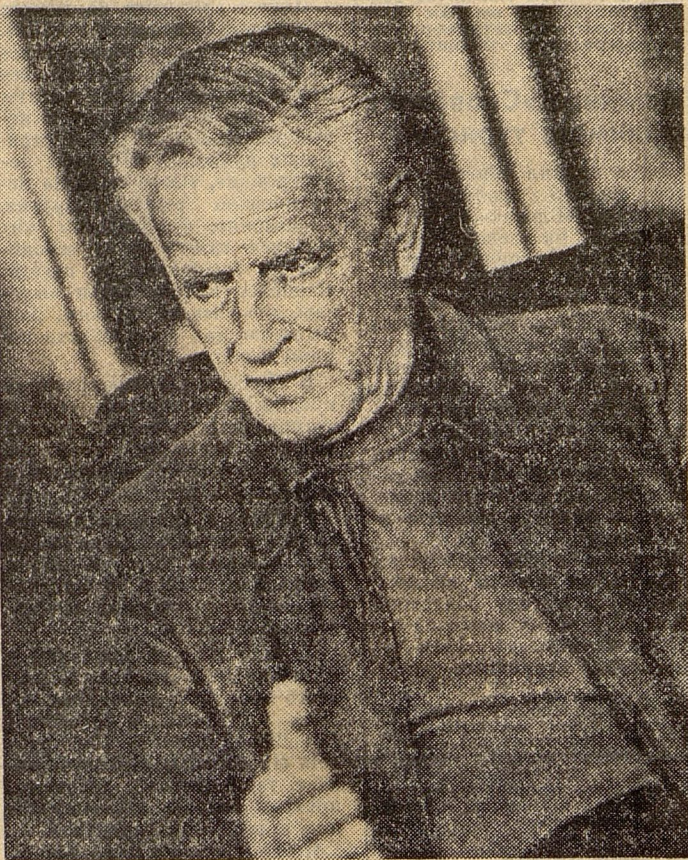
— Я нашел не ответы, а лишь новые вопросы. Кто-то сказал, что это признак образованного человека — ставить верные вопросы, а не давать готовые ответы. Сейчас я переполнен вопросами. Существует ли способ воздействия на страны, которые могут уничтожить друг друга? Я предполагаю: да, существует. Но как режиссер я лишь ставлю вопрос и пытаюсь что-то сделать, что поможет людям найти ответ.

— Вы имеете в виду работу над вашим новым фильмом?

— Да. Мне кажется, что где-то между космическими одиссеями и Сильвестром Сталлоне есть место и для меня. Слишком много фильмов о космосе, а проблемы — здесь, на земле. Поэтому я и вернулся к работе.

— О ней сейчас много говорят. Это будет фильм о Чернобыле?

— В общем, да. Но и шире — об опасностях ядерной эпохи, о том, что может произойти в любой момент и где угодно в мире. Это случалось и у нас на Три Майл Айленд, и в Черно-

быле, и в Великобритании. Это очень опасно. И, конечно, бомба во множество раз опаснее. Давно — двадцать восемь лет назад — я сделал фильм «На последнем берегу». Это была картина о конце мира. Ученый, которого играл Фред Эстер, говорил: «Нам наконец-то удалось создать силу, которая в случае применения уничтожит нас самих». Печально, что сегодня эта опасность стала еще более острой.

— Вы приехали в Москву, чтобы обсудить идею фильма?

— Мне хотелось бы сделать фильм с широким международным участием — ведь проблема — общечеловеческая. Несколько месяцев назад я встречался с группой советских кинематографистов в Калифорнии. Тогда мы обсудили возможность совместной работы. Я знаю о переменах, происходящих в вашей стране, о том, что художники теперь ставят наиболее важные вопросы. Это очень важно — и для искусства, и для здоровья нации в целом. Я почувствовал, что в этот новый период наше сотрудничество могло бы дать хорошие плоды.

— Скоро начнутся съемки?

— Пока есть лишь идея. Многие из задуманного может еще перемениться. Действие должно проходить в городке около Чернобыльской АЭС, но это место сейчас практически необитаемо, поэтому, может быть, придется его воссоздать

в декорациях. Ведь фильм будет рассказывать о людях, которые там жили, имели семьи, растили или ждали детей, влюблялись. А потом приходит беда. В конце будет показано, что произошло с людьми. С пожарными, которые кинулись в огонь и которые, должно быть, были сделаны из металла — так невероятно степень их самоотверженности. А главное — с простыми людьми, которые оставили свои родные места. Я читал, что до сих пор в окнах некоторых покинутых домов стоят одинокие куклы. Непередаваемые чувства, которые может вызвать один лишь этот образ! Я прочитал массу материалов, встречался со многими специалистами, сам стал чуть ли не экспертом. Мне хотелось бы посетить Чернобыль, встретиться с очевидцами событий весны 1986 года. Автором сценария будет американец, с которым я уже работал. Алесь Адамович сейчас работает над подготовительным материалом. Потом я все это обработаю сам, соберу воедино, чтобы это был по-настоящему правдивый художественный фильм.

— Сейчас много говорят о кризисе искусства, в частности кино, о том, что великие произведения — в прошлом...

— Сегодня новые времена. Каждое поколение входит в мир, шокируя «отцов», которые с ужасом вопиют: у них

нет понятия о ценностях! Но так было всегда — и во времена моей молодости. Мы танцевали чарльстон, пытались смотреть на вещи по-новому. А сегодня молодежь шокирует чем-то своим. Юноша танцует с девушкой, но разве это танец! Однако у молодых есть ценности, и если они еще не сказались — то скажутся. Вы, к примеру, можете считать, что ваша молодежь одевается как-то не так, слушает не ту музыку... Но это не суть важно, если смотреть по существу. Например, с точки зрения перемен, которые происходят в вашей стране. Может, именно молодежь первой поддерживает эти перемены? Я думаю, молодые люди гораздо образованнее, чем были мы. Они очень реалистично смотрят на будущее, понимая, что что-то надо делать, что оно просто так не наступит.

— Мистер Крамер, мне кажется, вы не такой американец, каким его обычно представляют, скорее — европейский интеллигент.

— Я думаю, что я стопроцентный американец...

— Но американцы, по моему, обычно более оптимистичные и эгоцентричные...

— Так вы думаете об американцах, но не я. Один из моих героев говорит: это слишком логично, чтобы быть правдой. Американцы очень молодая нация. У вас — более чем тысячелетняя история, у нас — двухсотлетняя. Поэтому мы должны еще многому учиться, многое узнать. Но, мне кажется, и вам тоже есть, что узнать, чему-то научиться. Что касается меня, то в свою эпоху я имел возможность бороться, затронуть многие сложные проблемы — вопросы расовых или религиозных предрассудков, ложного патриотизма, глобальные проблемы. Часто мои фильмы не принимались, в том числе в Америке: многие люди полны предрассудков. Но мои убеждения и мои фильмы — очень американские. Они выросли из моего опыта, из моей жизни. Я родился на улицах Нью-Йорка, в очень суровом месте, которое называется Хеллз Китчен — Кухня ада. Я многое там познал. И все это отразил в фильмах. Что я познал главное?.. Нацисты, защищаясь в Нюрнберге, говорили, что они совершали злодеяния, потому что им приказывали так делать. А представители СССР, США, Франции и Великобритании заявили: это неудовлетворительная защита, ибо есть закон, который выше закона узко понятого патриотизма. Это закон человечности.

Беседу вел
Н. ВИШНЕВСКИЙ.

Фото А. Кочетова.